

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ИРБИТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Спокойный размеренный многовековой ритм жизни ирбитской деревни был прерван событиями 1917 г. Одновременно с утверждением советской власти в Ирбитском уезде началась организация коллективных хозяйств. 20 марта 1918 г. ирбитские уездные земельный комитет и управа были упразднены и вместо них организован земельный отдел при уездном совдепе¹. Вслед за этим началось создание волостных земотделов. В инструкции Ирбитского уездного земельного комиссара Гусева, разъяснявшей организацию советской власти в волостях, отмечалось, что среди прочего земельный отдел «помогает образованию среди населения сельскохозяйственных коммун, товариществ, артелей»². Уже в это время деятельность по созданию колхозов вышла за рамки декларативного характера. По волостям уезда было разослано отпечатанное в ирбитской типографии «Обращение областного комиссара земледелия ко всем советам крестьянских и рабочих депутатов» от 15 апреля 1918 г., содержащее проект Устава трудовой сельхозкоммун. Тогда же были предприняты и первые практические попытки организации коллективных хозяйств. Свержение летом 1918 г. советской власти в Ирбитском уезде войсками Временного Сибирского правительства прервало начавшуюся работу по коллективизации крестьянских хозяйств, но образование колхозов продолжалось и при белогвардейцах.

Восстановление летом 1919 г. в Ирбитском уезде советской власти привело к возобновлению работы по колхозному строительству. 23 сентября 1919 г. при Ирбитском уземотделе было организовано отделение обобществления сельского хозяйства, а 22 декабря коллегия уземотдела зарегистрировала первую коммуну уезда, созданную хуторянами Гольского земельного общества Пьянковской волости. К июлю 1920 г. в уезде было организовано 11 коллективов: 4 коммуны и 7 артелей; в них вошло 88 семей с 384 едоками³. Невысокий темп коллективизации объяснялся тем, что стремление местных крестьян в деле улучшения своих хозяйств было «пока еще эгоистическое, благодаря отсутствию помещиков и крупных землевладельцев»; дальше коллективного изготовления промышленных изделий, «дающих карманные барыши», оно не шло⁴.

4—5 июля 1920 г. Ирбитский уземотдел провел первый уездный съезд представителей коммун и артелей, на который прибыли делегаты от 10 коллективов. На съезде был образован уездный союз сельскохозяйственных коллективов общей обработки земли, принят устав, выбраны совет

и ревизионная комиссия. 5—6 декабря 1920 г. состоялся второй съезд ирбитских колхозов, где присутствовали представители 8 коллективов. Выступая на его закрытии, заведующий Ирбитским уземотделом Н. Чернов подытожил: «Я был на первом съезде представителей колхозов и тогда вынес впечатление, что члены его как бы осматривались, и в их словах сквозило какое то недоверие. Настоящий же съезд представляет совсем другое. В отношении членов съезда видна уже уверенность в силе, доверие к делу. Они, очевидно, уже укрепились в мысли, что это дело является и будет прочным. Они уже, это ясно, думают оставаться в коллективах и упрочить их. В этом сказался результат опыта, сделанной работы...»⁵

Несколько дней спустя состоялся VIII Всероссийский съезд советов, ставший поворотным моментом в аграрной политике советского государства. Если раньше особого внимания на единоличные хозяйства не обращалось, то теперь правительство встало на «путь широкого вовлечения крестьянского сельскохозяйственного производства в общую схему нашего социалистического народного хозяйства»⁶. Это не означало отказа от работы по вовлечению единоличников в коллективные объединения, а только перемешало центр тяжести на организацию «всего крестьянского хозяйства». Старые колхозы должны были по-прежнему получать со стороны земорганов всемерное содействие и поддержку. Очевидно, что рассчитанная на более продолжительный период времени работа по коллективизации тогда была невозможна; сам факт обращения правительства к единоличным крестьянским хозяйствам показывал уступку в колхозном строительстве. Хотя развитие коллективизации в Ирбитском уезде пока еще шло по восходящей линии, уже наметился перелом.

К лету 1921 г. общая численность ирбитских колхозов выросла до 16 коммун и 11 артелей⁷. Но к этому времени на колхозном движении сказался начавшийся переход советской республики к нэпу. Колхозы были сняты с государственного снабжения и переходили к товарообмену; продразверстка отменялась и они должны были платить продналог на общих основаниях. Создавшееся положение обсуждалось на уездном съезде колхозов, состоявшемся 10 сентября. Из-за засухи урожай у ирбитских коллективов был невысокий, некоторые оказались даже не в состоянии обеспечить себя продовольствием. В этих условиях уплата продналога ложилась на них тяжелым бременем. Делегаты прямо заявляли, что чувствуют в переводе их на кооперативное положение «смертельную рану, не зная, что предпринять в дальнейшем». В принятом съездом заявлении говорилось, что «при всесторонней поддержке со стороны правительства оно (беднейшее население, которое организовало ирбитские колхозы — авт.) сумеет стать лучшим примером и тем самым повести трудовые крестьянские массы к светлому будущему»⁸.

Требование было заведомо невыполнимым. В коллективах началось падение «духа производительности», вскоре вылившееся в агонию колхозной системы; выходы из коммун и артелей приняли массовый характер. Начальник Ирбитского уезуправления К. Соболев требовал от выходявших «отчитаться перед республикой и властью мозолистых рук». Так как уже был утвержден план посевной кампании 1922 г. и выдана государственная семенная ссуда, возвращение семян, сельскохозяйственного инвентаря и рабочих лошадей выходящим запрещалось, «дабы не нарушать государственное поднятие (посевной — авт.) площади с одной стороны, и уничтожения шкурничества, для захвата воспользовавшегося выдачей семссуды, прикрываясь коллективной обработкой земли и посева [— с другой]»⁹. Однако в условиях свертывания политики военного коммунизма и определенной либерализации хозяйственной жизни, остановить выходы из колхозов было уже невозможно. Возникшие при этом споры разрешались в судах, где замечалось негативное отношение к коллективам. Связано это было с тем, что, как заявил один из ирбитских правозаступников, «все коммуны и артели устроили свое благополучие за чужой счет»¹⁰. В результате подавляющее большинство ирбитских колхозов в начале 20-х годов прекратили свое существование; некоторые просто распались, другие образовали новые земельные общества, третьи реорганизовались в кооперативные артели.

В соседнем Туринском уезде Тюменской губернии коллективизация протекала слабее. Колхозное строительство началось здесь после вторичного утверждения советской власти. 6 октября 1919 г. в дер. Чернышевой Липовской волости организовалась коммуна «Освобожденный сибиряк», просуществовавшая до весны следующего года. 15 ноября коллегия Туринского уезмотдела постановила «ввиду того, что среди трудового народа созрела мысль о ведении сельского хозяйства на коммунальных началах» образовать бюро по организации сельскохозяйственных коммун¹¹. Однако вывод о созревании у туринцев коллективистских навыков оказался поспешным; 17 февраля 1920 г. коллегия уезмотдела вынуждена была констатировать массовое стремление у переселенцев к уходу со своих участков на разработанные монастырские, казачьи и старожильческие земли, якобы для образования на них коммунальных артелей. Для пресечения этого постановили впредь без обследования бытовой и экономических сторон жизни переселенцев землю не передавать¹².

По состоянию на весну 1920 г. в Туринском уезде была зарегистрирована одна сельскохозяйственная коммуна «Борец», отличавшаяся немислимой бесхозяйственностью, и три артели; на заимке Николаевского женского монастыря были организованы совхоз и молочная ферма. В отчете Туринского уезмотдела за 1920 г. по отделению обобществления сообщалось: «Здесь за последнее время нет ни заведующего, ни дело-

производителя. Это безусловно крупный недочет, ибо здесь мы ошупываем новые формы землевладения и [сельского] хозяйства. Ни одного постоянного работника за весь отчетный период времени не было, все временные, случайные, которые перебрасывались на работы в другие учреждения»¹³.

28—29 декабря 1920 г. Туринский уезмотдел провел съезд представителей сельскохозяйственных коллективов, на который прибыли делегаты от 7 колхозов; два дня работы заняли доклады с мест, после чего участники съезда вынесли «друг другу пожелания о плодотворной работе на этой почве и необходимости борьбы с хозяйственной разрухой». 8 февраля 1921 г. состоялся второй съезд, на который прибыли представители от 9 коллективов. Отчитываясь перед делегатами, заведующий уездного бюро коммун Решетников указал, что «бездействие уездбюро возникло вследствие недостатка рабочих рук и ему приходилось работать урывками одному, а потому, в силу создавшихся таких условий, не было никакой физической возможности проявить энергичных работ; все же делалось со стороны уездбюро при наличии одного работника по силе возможности»¹⁴. В сентябре 1921 г., вместо подотдела обобществления сельского хозяйства Туринского уезмотдела было образовано управление усовколхоза. В это время в уезде существовало 7 коллективов. Реорганизация не привела к улучшению дела; в докладе уезмотдела за февраль 1922 г. было отмечено, что усовколхоз «за отсутствием опытного руководителя, способного развить для коллективизации труда, не проявляет в своей деятельности положительных сторон, и сводит свою работу исключительно к выполнению текущей переписки»¹⁵. 28 октября 1921 г. коллегия Тюменского губсовколхоза постановила перевести колхозы губернии на кооперативное положение; потеряв «надежду на сильную и постоянную поддержку со стороны правительственных органов», немногочисленные колхозы Туринского уезда быстро распались¹⁶.

* * *

В конце 1923 г. из Ирбитского уезда Екатеринбургской губернии и Туринского уезда Тюменской губернии был образован Ирбитский округ Уральской области. Подводя итог первого года его существования, работники окрзу, касаясь состояния коллективного сектора, в своем отчете писали: «... Ирбитский округ есть округ общинного землепользования. Товарищеское землепользование в крупных размерах не развилось. Да и то, которое образовалось стихийно после революции, сокращается. Это объясняется тем, что в округе не было частновладельческих национализированных имений, с оборудованием, на которых во многих других местах образовались колхозы. Ирбитские же колхозы образовались исключительно на крестьянских землях, почти без всякого живого и мертвого инвентаря. Эта беднота, организовавшихся было колхозов, при всех

работах вручную, не могла скоро накопить коллективных навыков у членов, и половина коллективов распалась, перейдя опять к прежней общинной форме землепользования и к единоличному труду. Оставшиеся колхозы очень слабы, а потому служить образцом для окружающего населения пока не могут»¹⁷.

Хотя здесь и говорится, что товарищеское землепользование в 1924 г. продолжало сокращаться, можно констатировать, что к этому времени произошла определенная стабилизация положения — ликвидация колхозов прекратилась. Правда, выходы из уцелевших коммун по-прежнему продолжались. Состояние коллективного сектора Ирбитского округа представлено в табл. 1.

Таблица 1

**Кооперативно-колхозные объединения Ирбитского округа
в 1924—1925 гг.***

Виды объединений	На 1 января 1924 г.		На 1 января 1925 г.		Среднее число членов	
	Число объединений	Число членов	Число объединений	Число членов	На 1 янв. 1924 г.	На 1 янв. 1925 г.
Кооперативные артели	21	465	45	1275	22	28
Коммуны	8	314	8	181	39	20
Машинные товарищества	8	92	14	249	12	17

* ИФ ГАСО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 25. Л. 12.

Как видно, в середине 20-х годов основную часть производственных кооперативов составляли сельскохозяйственные кооперативные артели и машинные товарищества. Многие из них были «дикими» — не состояли членами в окрселькустоюзе. По мнению сотрудников окрзу, это было главной причиной их захудалости и распадов. Считая такое положение ненормальным, руководство земельного управления в конце 1925 г. предложило окрселькустоюзу повести на местах серьезную организационную работу, т. к. сельскохозяйственные кооперативные артели и машинные товарищества были объединениями, «ведущими в целом сельское хозяйство в социалистический мир производства и, в частности, втаскивают крестьянское хозяйство в государственное плановое производство»¹⁸. Однако видимых последствий это обращение не имело.

После неудачи с поспешной коллективизацией времен военного коммунизма методы воздействия на крестьянство были изменены. Ставка делалась на постепенное подведение сельского населения к коллек-

тивному способу хозяйствования. Свою роль в этом должны были сыграть возникшие тогда при участковых (районных) агрономах сельскохозяйственные советы. Однако основное значение отводилось сельскохозяйственной кооперации, которая окончательно оформилась в 1924 г. Подводя итоги первого года работы, правление Ирбитского окрселькустсоюза заключило: если удастся провести намеченные мероприятия (прежде всего вовлечь в кооперативное движение «пролетарские элементы деревни», чтобы работа протекала на «здоровых началах»), то «система с/х кооперации нашего округа станет, действительно, фактором крупного значения в коллективизации сельского хозяйства»¹⁹.

Какие взгляды были в это время у работников-практиков Ирбитского округа на ближайшее будущее крестьянского хозяйствования, отчетливо видно из материалов первого окружного совещания земельных работников, состоявшегося в начале марта 1925 г.²⁰ Выступая с докладом о перспективном плане землеустроительных работ в Ирбитском округе, заведующий землеустроительным подотделом окрзу Шумков, в частности, отметил: «В отношении форм землепользования, которые избираются устраивающимися, надо возбуждать интересы населения к товарищеской форме. Полная коллективизация, без взаимного знакомства членов, по опыту прежнего, оказалась не жизненной; но не надо увлекаться и единоличной формой — хуторами и отрубам — так как это создает собственнический взгляд на землю, что затормозит переход к общественной обработке. В ближайшем [будущем] форма землепользования будет общинной, но надо стараться постепенно переходить к товарищеской». Выступая в прениях, землемер Сосновский указал, что «цель землеустройства — поднять интенсификацию сельского хозяйства. Ленин выражал мысль, что крупное землевладение содействует производительности хозяйства, но Милль и Роберт не согласны с этим. Практика заграницы: Дании, Германии, говорит обратное. Совхозы, которые насаждаются теперь, не достигают больших результатов: урожайность не более 50 пудов, тогда как мелкое хозяйство в Дании получает по 120 пудов с десятины. Форма землепользования не имеет существенного значения, а важно проведение коренного улучшения земель». Возражая Сосновскому, начальник Ирбитского окрзу Журавлев подчеркнул: «... наша экономика переплетается с политикой, и поэтому-то необходимо остановиться на коллективном труде, а не на индивидуальном, т. к. последняя форма может дать эффект только в ближайшие годы, но нам нужно глядеть [на] много дальше. В наших условиях вопрос о форме землеиспользования давно ясен». В заключение Журавлев заявил: «Против старой общины ведется борьба, но и хутора не выход. Должна остаться форма, при которой легко доказать пользу кооперирования». Очевидно, что местные работники рассматривали современное им состояние крестьянского землепользования, как временное, и в будущем, правда,

еще неопределенном, должна была быть проведена повторная коллективизация.

В это же самое время ирбитские колхозы обследовал агроном-инструктор по коллективному земледелию Тихонов. Он в них обнаружил, с одной стороны, полную бесхозяйственность, вскормленную государственными подачками, а с другой — отсутствие культурного быта и агрономической помощи, что чуть не привело часть коммун к гибели. По мнению Тихонова, все ирбитские коммуны «страдали отсутствием руководящих начал, т. е. не знали, за что в первую очередь браться, чтобы поднять хозяйственную культуру. Одни бросались за сооружение громоздких, городского типа, промышленных сооружений; примером чего может служить коммуна «Федерация» (Еланского района — авт.), построившая литейную мастерскую, на которую были израсходованы кредиты, взятые на постройку скотных дворов, а видимого хозяйственного результата она совершенно не дала. Другие коммуны бросались в торговую спекуляцию по скупке у крестьян хлеба и сбыту его окружному союзу с/х кооперации. Примером такой коммунальной нелепости является коммуна «Республика» (Байкаловского района — авт.), которая на этом деле пролетела, получив убыток. Третья, особая группа пассивных коммун, находилась в организационно-хозяйственной спячке. Они более походили на крупносемейные хутора, чем на с/х коммуны». Хотя, похоже, Тихонов не питал особых надежд на успехи ирбитских колхозов, он все же считал необходимым «предохранить коммуны от развалов и тем не дать подорвать идею коллективизации сельского хозяйства», т. к. полагал: «Путь к социализму только один — путь, который указал нам Владимир Ильич Ленин — через кооперацию, и, в частности, через коммуны, как высшую форму кооперации труда»²¹.

В начале 1926 г. по инициативе Ирбитского окружкома ВКП(б) было проведено обследование коммун округа; тщательному изучению подверглись три специально отобранных коллектива. Проводившая обследование комиссия пришла к заключению, что ирбитские колхозы или находились в стационарном состоянии, или даже по-прежнему продолжали мельчать. Объяснялось это тем, что «после разрушительных массовых выходов членов, которыми богаты 1921 и 1922 годы, оставшееся ядро коммунаров не рискует больше принимать новых членов. Это с одной стороны, а с другой — объясняется тем, что само крестьянство успело присмотреться к коммунам и не особенно охотно идет в них; лишь загнанные судьбою крестьяне рискуют время от времени подавать заявления. До сего еще времени крестьянство не особенно лестно отзывалось о коммунах, а отсюда, едва ли можно ждать, что в ближайшее время крестьянство пойдет в коммуны». Коснувшись хозяйственного состояния коллективов, комиссия пришла к малоприятному выводу, что «коммуны далеко не могут являться крупными сельскохозяйственными пред-

приятными, построенными на полном хозяйственном саморасчете, а представляют из себя до некоторой степени собесовскую организацию, которая без государственных подачек и поддержки не может жить. Стоит только обратить внимание на членский состав, как быстро в глаза бросается такое явление, что трудоспособных мало, трудоспособные переобременены нетрудоспособными и едоками. Замечается большесемейственность и т. д.»²². Причины продолжавшихся, хотя и немногочисленных, вступлений единоличных крестьян в ирбитские коммуны в это время, сотрудники окружного селькустсоюза объясняли тем, что «в современных колхозах есть еще возможность укрыться от крайней нужды, которая нетерпима бывает в одиночку, и еще не изжита у вступающих и принимающих надежда на государственную помощь»²³.

Изменение численности сельскохозяйственных производственных объединений за 1925—1927 гг. видно из табл. 2. Проанализировав эти сведения, сотрудники Ирбитского окрзу заключили: «Отсюда очевидно, что при современном укладе деревенской жизни и хозяйственном состоянии крестьянского двора наиболее понятной и приемлемой формой кооперирования после с/х кредитных товариществ, являются пока лишь простейшие виды кооперативов: машинные товарищества и с/х [кооперативные] артели, а также специальные, как маслодельные артели, коневодные товарищества и проч. К более же высшим формам коллективизации, как трудовые земледельческие артели, товарищества по совместной обработке земли и, наконец, коммуны, крестьянство в массе пока мало подготовлено, даже наиболее передовое, о чем свидетельствует распад в текущем году двух коммун и переход их на устав с/х [кооперативной] артели и машинного товарищества». В течение ближайших трех лет рост коммун не ожидался, но со стороны окрселькустсоюза и других «заинтересованных организаций» должны были быть приняты все меры к всестороннему укреплению и дальнейшему развитию сохранившихся 6 коллективов. Необходимо было добиться, чтобы они стали показательными для окрестного населения и указывали бы «конечную цель, к которой должно направляться коллективное строительство в округе»²⁴.

Выступая на состоявшемся в июле 1928 г. съезде уполномоченных Ирбитского окрселькустсоюза, председатель правления колхозсекции С. Колобов подвел плачевный итог второго периода колхозного строительства: «к концу 1927 г. в Ирбитском округе осталось 6 коммун и 1 сельхозартель, еле влачащие существование»²⁵.

* * *

Вскоре после завершения XV съезда ВКП(б), положившего начало курсу на коренную перестройку сельского хозяйства страны, 28—30 декабря 1927 г. состоялся второй съезд ирбитских колхозов, на котором

Таблица 2

**Кооперативно-колхозные объединения Ирбитского округа
в 1925—1927 гг.***

Виды объединений	1 октября 1925 г.		1 октября 1926 г.		1 октября 1927 г.	
	Число объединений	В них членов (хозяйств)	Число объединений	В них членов (хозяйств)	Число объединений	В них членов (хозяйств)
коммуны	8	369	8	418	6	344
% к предшеств. году				113,3		82,3
земледельческие артели	1	27	6	105	5	53
% к предшеств. году			500	388,8	83,3	50
тозы					1	14
% к предшеств. году						
кооперативные артели	98	2984	114	3082	110	2645
% к предшеств. году						
машинные товарищества	49	795	82	1187	104	1263
% к предшеств. году			167,3	149,5	126,8	106,4
всего	156	4175	210	4792	226	4227
% к предшеств. году			134,4	114,6	107,1	87,3
% к общему числу хозяйств		8,03		9,21		8,1

* ИФ ГАСО. Ф. 188. Оп. 2. Д. 22. Л. 163.

был принят устав окружной секции сельскохозяйственных коллективов (год спустя была преобразована в окрколхозсоюз); состоялись выборы ее совета и правления. С этого времени колхозное движение в Ирбитском округе приняло качественно новый характер. Численный рост коллективов с 1927 по 1930 г. представлен в табл. 3. До 1928 г. самым массовым видом объединений в Ирбитском округе были сельскохозяйственные кооперативные артели; однако по мнению местных работников, их нельзя было «считать полностью за колхозы, как не отражавших ни в коей мере действительные идеи коллективизации». «По существу, —

писали сотрудники Ирбитского окрколхозсоюза, — подобные артели являлись товариществами с/х производителей, и вся их деятельность сводилась к использованию кооперативных форм в интересах индивидуальных хозяйств их членов». После проведенного в конце 1927 г. обследования колхозной сети, окружные организации приняли решение о переводе кооперативных артелей на устав земледельческой артели. Столкнувшись с необходимостью заняться всерьез обобществлением производства и инвентаря, большинство кооперативных артелей распалось; но, по мнению местных работников, «дело колхозного строительства от того не только не пострадало, но определенно выиграло»: 1928 г. дал значительный рост числа коллективных объединений²⁶.

Таблица 3

**Кооперативно-колхозные объединения Ирбитского округа
в 1927—1930 гг.***

Виды объединений	1927 г.	1928 г.	15 мая 1929 г.	1 окт. 1929 г.	1 янв. 1930 г.
коммуны	6	27	47	53	186
коопер. артели	110	—	—	—	—
землед. артели	5	20	66	9	134
тозы	1	26	55	62	32
машинные т-ва	104	181	нет свед.	151	нет свед.
посевные т-ва	—	—	96	122	—

* РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д. 34. Л. 98.

Весенняя посевная компания 1928 г. стала переломным моментом в развитии колхозного движения в Ирбитском округе; за время ее подготовки и проведения было организовано 8 коммун, 11 артелей, 13 тозов и 2 машинных товарищества. По словам профессора А. Караваева, изучавшего, по горячим следам, развитие колхозного движения в южных районах Ирбитского округа, в марте — апреле 1928 г. здесь прокатилась первая волна коллективизации. При этом сразу выделились Еланский, Байкаловский и Знаменский районы, где на 1 мая 1928 г. в колхозы вступило 4,9 % дворов; по Уральской области в это время коллективизация охватила только 2 % крестьянских хозяйств²⁷.

В октябре 1928 г. состоялся третий съезд ирбитских колхозов. Докладчик от Уралколхозсоюза Сыворотской заявил: «В течение всего периода существования сов[етской] власти мы еще всего первый раз можем констатировать такой бурный рост колхоз[ного] строительства в Уральской области, каковой выявился через данный Ирбитский окружной съезд».

колхозов». Представитель областной «Крестьянской газеты» П. Бажов сказал: «Не правда ли, товарищи, говорится, что крестьянин везде крестьянин. Если в одном округе туго идет одно движение, то настолько же быстро двигается такое в другом. В Ирбитском округе колхозное строительство двигается быстрым темпом»²⁸. Таким образом, уже осенью 1928 г. зародилось восхваление достижений Ирбитского округа в колхозном движении, столь пышно расцветшее в следующем году.

На состоявшейся в марте 1929 г. сессии совета Ирбитского окрколхозсоюза было принято решение о создании крупного колхоза в Зайковском районе. В апреле он был юридически оформлен на уставе артели, получившей название имени тов. Сталина; вошло в него 8 деревень, общая земельная площадь составила 8 тыс. га²⁹. В это время по юго-восточной части Ирбитского округа прокатилась новая волна коллективизации; особенно бурно процесс коллективизации развивался в Еланском районе, выделился по развитию колхозного движения Байкаловский район, а также часть Знаменского. В интервью, данном корреспонденту окружной газеты «Голос крестьянина», работники Ирбитского окрколхозсоюза сообщали: «Колхозное движение в нашем округе идет гигантскими шагами. По своим размерам это движение, по имеющимся у нас сведениям, превосходит все округа Уральской области. В этом году ни в одном из округов не создано столько колхозов, как в нашем Ирбитском округе. Движением охвачены самые отдаленные уголки и сельсоветы. Целые деревни выносят постановления о создании коммуны или артели, или товарищества по совместной обработке земли. Крестьяне Еланского и Байкаловского районов, насчитывающих по двадцать с лишним тысяч населения, в любую минуту готовы влиться в один мощный колхоз». В конце беседы они заявили, что «если бы наша страна была индустриальная — мы бы за пять лет превратили весь округ в один мощный великан-колхоз»³⁰.

Достижения еланских коммунаров были замечены на самом верш. Выступая 13 мая на XIV Всероссийском съезде советов, председатель правления Колхозцентра Г. Н. Каминский сообщил, что «на Урале в Еланском районе охвачено коллективизацией 65 % населения. Там имеется сплошной земельный массив в 74 тысячи гектаров, охваченный колхозами. И мысль колхозников работает теперь над тем, чтобы в целом районе различными путями, путем организации крупных колхозов и слиянии мелких, создать сплошной массив коллективизации»³¹. По данным окружной газеты «Голос крестьянина», к середине мая в колхозы Еланского района вступило 70 % населения, а из 15 сельсоветов полностью были коллективизированы девять. Ставилась задача к 1 октября 1929 г. провести 100 %-ю коллективизацию³². В это время уже велась практическая работа по созданию на юго-востоке Ирбитского округа крупного колхоза. Находившийся здесь инструктор Колхозцентра А. Дей-

кин отмечал, что опыт сплошной коллективизации в Ирбитском округе является «одним из самых крупных и еще не превзойденных в Советском Союзе»³³. 1 июля 1929 г. президиум Уралоблисполкома одобрил инициативу создания на территории трех районов Ирбитского округа крупного колхоза и предложил Уралколхозсоюзу, облзу и другим областным организациям уделить ему особое внимание. 4 июля в с. Микшинском Еланского района состоялась межколхозная конференция, на которую прибыли представители от 84 колхозов района сплошной коллективизации. Конференция постановила организовать колхоз «Гигант» из 102 населенных пунктов с 3778 крестьянскими хозяйствами Еланского, Байкаловского и Знаменского районов. Для проведения работы по созданию крупного колхоза было выбрано организационное бюро, которое возглавил Ф. К. Фефелов, работавший до этого председателем правления Ирбитского окрселькустоюза³⁴. 12 июля вопрос о сплошной коллективизации в Ирбитском округе был рассмотрен правлением Колхозцентра. Создаваемый колхоз «Гигант» отнесли к колхозам республиканского значения и руководство возложили непосредственно на Колхозцентр³⁵. Массив сплошной коллективизации в Ирбитском округе был самым крупным в стране (см. табл. 4); о нем много писалось в прессе, сюда зачастили различные делегации.

Хотя и не столь стремительно, ширилось колхозное движение и в других районах Ирбитского округа. На 1 июля 1929 г. в округе насчитывалось 193 колхоза; в них вошло 7293 крестьянских хозяйства; уровень коллективизации составил 13,7 %. В конце июля состоялась сессия Ирбитского окрисполкома, на которой было решено к концу первой пятилетки коллективизировать 36 % крестьянских хозяйств округа; они должны были объединиться в 4 или 5 крупных колхозов. При этом хвастливо заявлялось: «Тяжелый труд крестьянина взвалим на железные плечи машин. Наши крупные колхозы по техническому оборудованию и культурной обработке земли не будут уступать американским крупным землевладельческим фермам»³⁶.

Во второй половине лета — начале осени 1929 г. в Ирбитском округе прошло районирование. 17 сентября ВЦИК утвердил предложение Уральского облисполкома об объединении Еланского, Байкаловского и Знаменского районов в один — Краснополянский; отдаленная часть Знаменского района, в котором колхозное движение развивалось слабее, в новый район не вошла. Центром укрупненного района стало с. Микшинское, переименованное в Краснополянское. 13—15 октября 1929 г. состоялась пленум Уральского облисполкома, на котором был рассмотрен вопрос о строительстве «Гиганта». Пленум постановил территорию крупного колхоза довести до 250 тыс. га, максимально расширив посевную площадь; общее количество вовлеченных в «Гигант» крестьянских хозяйств нужно было довести до 10 тыс., вместо ранее про-

ектируемых 5820. Всем окрисполкомам Уральской области было предложено «на основе опыта строительства сплошной коллективизации колхоза «Гигант», а также в соответствии с развивающимся темпом колхозного движения на Урале, разработать план подготовительных мероприятий по созданию новых районов сплошной коллективизации». По существу предлагалось создание подобных коллективов-гигантов в других округах. В передовой статье «Известий» Уралоблисполкома, посвященной итогам пленума, было заявлено: «Нам нужно в дальнейшем иметь не один такой крупный колхоз «Гигант», а покрыть Урал целой сетью гигантов, целый сетью коллективных хозяйств и образцовых коммун». Вслед за Краснополянским районом на путь организации колхозов-гигантов встали Мехонский, Шатровский, Армизонский и многие другие районы области³⁷.

Осенью 1929 г. развитие колхозного движения в ирбитской деревне начало стремительно ускоряться. Состоявшийся в начале ноября второй окружной съезд комсомольцев по поднятию урожайности и коллективи-

Таблица 4

Районы сплошной коллективизации РСФСР *

Область	Округ	Район	Земельная площадь (га)
1. Западная		Сежский	8 000
2. Западная	Смоленский	«Свитский мох»	
3. Уральская	Ирбитский	Еланский, Байкаловский и Знаменский	134 000
4. Уральская	Ишимский	Армизонский	
5. Уральская	Шадринский	Мехонский	90 000
6. Нижне-Волжский край		Чапаевский	50 000
7. Нижне-Волжский край	Балашовский	Самойловский	80 000
8. Нижне-Волжский край	Немецкая республика	Краснокутский	90 000
9. Северный Кавказ	Терский	Минераловодский	40 000
10. ЦПО	Тульский	Воловский	90 000
11. Северный край	Вологодский	Тигинский	14 000
Итого			596 000

* РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д. 54. Л. 1.

зации сельского хозяйства выдвинул «дерзкий лозунг»: «В ближайшие 2—3 года превратить Ирбитский округ — в округ сплошной коллективизации». В середине ноября прошел пленум Ирбитского окружкома ВКП(б), который утвердил контрольные цифры по сельскому хозяйству на 1929/30 г.; было решено коллективизировать к 1 октября 1930 г. как минимум 40 % крестьянских хозяйств округа и обобществить до 46 % посевной площади. организовать не менее четырех крупных колхозов. 24 ноября правление Уралколхозсоюза рассмотрело контрольные цифры плана коллективизации на 1929/30 г.; было принято решение объявить Тюменский и Ирбитский округа округами сплошной коллективизации и «обеспечить доведение процента коллективизации сельского хозяйства в этих округах в 1929/30 г.: по Тюменскому — до 75 % и Ирбитскому — до 70 %». Состоявшееся 25 ноября заседание бюро Ирбитского окружкома ВКП(б) постановило коллективизировать к 1 октября 1930 г. не менее 70 % сельского населения округа или 40 тыс. крестьянских хозяйств в абсолютном выражении; было признано необходимым объявить Ирбитский округ округом сплошной коллективизации. 26 ноября вопрос о сплошной коллективизации округа заслушали на заседании правления окрколхозсоюза, которое сочло «необходимым провести сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств, с расчетом охвата их таковой на 72 % к 1 октября 1930 г.»³⁸. Таким образом, в конце ноября ирбитские окружные руководители перешли Рубикон, решившись на открытое форсирование коллективизации. Тон по-прежнему задавал Краснополянский район; состоявшийся 28 ноября пленум райкома ВКП(б) постановил завершить коллективизацию к весне 1930 г. По мнению А. Караваева и И. Шумского, именно в ноябре 1929 г. прервался «здоровый характер колхозного строительства» в Краснополянском районе и начался «период перегибов и извращений»³⁹.

В середине декабря 1929 г. состоялась расширенная сессия Ирбитского окрколхозсоюза, на которой был одобрен план коллективизации, разработанный правлением союза. По нему предполагалось в 1929/30 г. объединить в колхозы 95 % крестьянских хозяйств округа или 53 410 дворов, организовать 7 крупных колхозов, охватывавших до 20 тыс. хозяйств. В своем выступлении на сессии председатель окрисполкома Фоминых заявил: «У нас в округе с сегодняшнего дня индивидуалист существовать не должен, кроме кулаков и чуждых элементов. Бедняков и батраков, не идущих в колхоз, играющих под дудку кулаков, надо одернуть». Некоторые из выступавших говорили, что выполнить намеченные цифры не затруднительно; так, агроном Ирбитско-заводского района В. Ваппа заявил: «95 % населения округа коллективизировать трудностей не представляет»⁴⁰.

20—21 декабря состоялась вторая окружная конференция бедняцко-батрацких групп, на которой завершилось уточнение плановых заданий

по колхозному строительству: к весенней посевной компании 1930 г. нужно было коллективизировать 75—80 %, а к осени 95 % крестьянских хозяйств. Участвовавший в работе конференции корреспондент окружной газеты вынес заключение, что «трудящиеся массы деревни требуют создания высших форм колхозов»⁴¹.

Помимо безудержного форсирования коллективизации, в это же время четко обозначилась тенденция к организации все более крупных колхозов (от состоявших из нескольких населенных пунктов — к районным, а от них в итоге — к окружному), и стремление перейти сразу к коммунам; то есть все три основные задачи решались одновременно. Обдумывая позже события зимы 1929/30 гг., работники Ирбитского окрколхозсоюза писали: «Нельзя сказать, чтоб у руководящих колхозных органов отсутствовало чувство меры в вопросах колхозного строительства». Однако «вся беда колхозного руководства заключалась в том, что эту установку (на организацию колхозов оптимальных размеров — авт.) правление окрколхозсоюза не сумело или не захотело популяризировать и отстоять под натиском той стихии, которая снизу увлекла колхозное строительство в направлении неизбежного крушения, тем более, что ни областные организации, ни московское совещание крупных колхозов⁴² по затронутым кардинальным вопросам не дали определенных решений, предоставив местам свободу действий»⁴³.

Конечно, нельзя обелять действия представителей центральных властей; однако нужно признать: не меньшая ответственность за то, что произошло зимой 1929/30 гг. лежит и на местных руководителях. Касаясь событий начала 1930 г., сотрудники Ирбитского окрзу писали: «Достигнутые успехи в коллективизации, бурный рост самих колхозов, организация крупнейшего в СССР [коллективного] объединения «Гигант», все это послужило известным толчком к «головокружению от успехов». Дальнейший рост колхозов шел «небывальными и невиданными темпами» (см. табл. 5), что «еще больше побудило к тому, чтобы перепрыгнув через устав с/х артели, перейти к коммуне»⁴⁴. 25 января 1930 г. состоялся учредительный съезд Краснополянкой районной коммуны «Гигант»; общая земельная площадь коммуны составила 275 тыс. га, вступило в нее 66 тыс. человек. Оформление «Гиганта» инициировало создание новых районных коммун: 5—6 февраля в Туринске прошел учредительный съезд «Красного путиловца», общая земельная площадь которого составила 310 тыс. га; 12—14 февраля состоялся организационный съезд Зайковской районной коммуны им. Сталина; 15 февраля оформилась Слободо-Туринская районная коммуна им. Блюхера; вслед за ней образовалась коммуна Костинского района «Красный партизан».

Высокие темпы коллективизации достигались за счет применения безудержного насилия. По мнению А. Караваева и И. Шумского, перегибы в Краснополянском районе начались с ноября 1929 г., когда райком

ВКП(б) вынес решение о коллективизации района на 100 % к весне 1930 г. Они писали: «На основе этого решения принимается ряд мер по усилению колхозного строительства. Изыскиваются «стимулы», которые должны были способствовать такой сверхколлективизации.

Одним из таких «стимулов» явилась система уполномоченных, которые были выделены [районным] [комитетом] и высланы на места. Уполномоченные [районного] [комитета] получили задание к определенному сроку *выполнить* решение пленума [районного] [комитета] (о 100 %-й коллективизации района в кратчайшие сроки), причем, следует заметить, что работоспособность уполномоченных определялась степенью коллективизации на его участке. Какими методами уполномоченные «поднимали процент» — этим мало интересовались, это никого не касалось, это было дело уполномоченных. Важно было выполнить задание. В итоге, к январю весь район был коллективизирован на 85,4 %, тогда как ни в одном из других районов округа коллективизация еще не поднялась выше 40 %. Последующий ход коллективизации показал интересные процессы, а именно: к 1 февраля ряд других районов округа начинает быстро догонять передовой Краснополянский район. Туринский район, например, уже достиг 89,5 %, Ирбитский — 82,3 %, Слободо-Туринский — 78,3 %. Стремление выполнить план во что бы то ни стало, нежелание оказаться позади других районов вызвало ряд дополнительных мер воздействия со стороны Краснополянской организации. Эти «дополнительные меры» привели к новому «подъему», повысившему процент коллективизации к марту почти до 95 %»⁴⁵.

Какими методами действовали уполномоченные видно из секретного донесения старшего следователя М. Кукарских, находившегося в это время в Туринском районе, прокурору Ирбитского округа. «Коллективизация шла, — писал он, — при помощи административного нажима. Признать это дают следующие обстоятельства: 1) Уполномоченным д. Луговой Сорокиным был арестован один бедняк за то, что не пошел в колхоз (в первых числах февраля месяца). Им же, Сорокиным, у второго середняка, не желавшего идти в коммуну, была насильно уведена лошадь и корова (Сорокин 24 марта предается суду); 2) Райуполномоченный Крутиков, в Кукузовском с/совете, наганом угрожал нехотевшим вступать в коммуну (в январе месяце 1930 года); 3) Райуполномоченный в Николаевском с/совете производил обыски и аресты колхозников, бедняков за то, что не хотели идти в коммуну (предан суду 24/III-30 г.); 4) Зам[еститель] председателя [Туринского] горсовета Горельшев на общем гражданском собрании в январе месяце 1930 года говорил, что «кто не идет в коммуну, тот враг советской власти»; 5) Председатель горсовета, он же заместитель председателя райисполкома, Жолобов проводил совместно собрание членов коммуны и общегражданское о посевной кампании, [на котором] говорил: «Единоличникам к посевной

**Ход коллективизации по районам Ирбитского округа
с 20 января по 20 марта 1930 г.***

Районы	20 января 1930 г.		20 февраля 1930 г.		20 марта 1930 г.	
	Число колхозов	В них крестьян. хозяйств	Число колхозов	В них крестьян. хозяйств	Число колхозов	В них крестьян. хозяйств
Благовещенский	13	1927	56	3399	59	3446
Зайковский	13	1540	1	3814	1	3816
Краснополянский	167	9611	1	11946	1	12711
Ирбитско-заводский	13	1055	17	4401	17	4614
Ирбитско-пригородный	46	2364	58	5597	54	5617
Костинский	21	1942	1	4661	28	4749
Слободо-Туринский	38	2960	53	4089	1	4098
Таборинский	22	558	41	1865	45	2218
Тавдинский	28	775	53	1736	57	1824
Туринский	19	2266	1	5567	1	5718
по округу	380	24 998	282	47 099	264	48 832

* ИФ ГАСО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 120. Л. 506.

кампании готовиться не надо, а место им будет за сорок верст на болоте»; б) И, наконец, ответственный секретарь райкома ВКП(б), т. Щербаков, в декабре месяце 1929 года поехал в деревню Курень проводить собрание по вопросу коллективизации, взяв с собой агента уголовного розыска. Тов. Щербакова спросили: как быть, если никто не желает в коммуну? Ответил т. Щербаков так: «Кто не вступит в коммуну, земли не дадут, все отберут и пошлют в урман (лес)». Это вызвало шум среди женщин, тогда т. Щербаков сказал агенту уголовного розыска составить протокол. После этого шум прекратился. Установка на партсовещаниях давалась [уполномоченным]: кто не коллективизирует на 100 %, тот не член партии, кто в два дня коллективизирует, может из с/совета вернуться»⁴⁶.

В докладе о работе Ирбитской окружной прокуратуры за 1929 г. сообщалось: «В округе происходит сплошная коллективизация. При проведении работы в деревне прокуратурой зафиксированы следующие нарушения революционной законности со стороны частных и должностных лиц: 1) В Тавдинском районе сделан наряд 12 человек, невошедших в колхоз, молотить хлеб колхозу, а колхозники стоят, не работают, покрикивая: «Молотите, гады!» Заставляют возить дрова для колхоза; 2) Во время хлебозаготовительной компании в Краснополянском районе единоличники вывозили хлеб по нарядам из колхозов, а свой хлеб у единоличников оставался необмолоченным; 3) В Благовещенском районе избачом Малковым было арестовано 10 человек за то, что накануне было единогласно принято на общем собрании постановление о вступлении в колхоз, а на другой день они отказались от вступления в колхоз». Ниже было сообщено, что наблюдались не единичные случаи, когда забирался хлеб и все имущество, принадлежащее двору, если в колхоз вступал один из членов семьи. В Благовещенском районе на отказывавшихся вступать в колхозы налагали различные налоги, самовольно увозили от них сено. Согласно доклада судебного работника А. Бобылева, в пос. Колуховском Тавдинского района «колхозники получили установку выкачивать воду из колодцев единоличников. Вода выкачивалась, а в колхозных колодцах оставалась вода только для колхозников. Кто хочет пить — должен идти в колхоз». По словам А. Караваева и И. Шумского, «мощное орудие» вовлечения крестьян в колхозы и перевода артелей на устав коммуны местные руководители нашли в раскулачивании, которое использовалось «сплошь да рядом»⁴⁷.

Благодаря подобным методам работы, к марту уровень коллективизации по округу достиг 87,5 %. Опьяненное достигнутыми результатами, бюро Ирбитского окружкома ВКП(б) выбросило новый лозунг: «К 1 мая с. г. — единая коммуна округа»⁴⁸. Уже было придумано и название — «Ирбит», но изменение политической конъюнктуры не позволило осуществиться этому грандиозному проекту. 2 марта «Правда» опубликова-

ла статью И. Сталина «Головокружение от успехов». По словам работников Ирбитского окрколхозсоюза, с 3 по 20 марта статья получила «широчайшее распространение». Упомянутый выше А. Бобылев так оценил ее появление в Таборинском районе: «Районный и сельский актив с получением ст[атьи] Сталина оказался в недоуменном состоянии, наподобие городничего из пьесы Гоголя «Ревизор». Они остолбенели, развели руки и на [этот момент] не знали, что делать»⁴⁹. На наш взгляд, именно «недоуменное состояние» наиболее точно передает первую реакцию местного (от деревенского до окружного включительно) актива на статью Сталина. По словам секретаря Харловской партячейки Краснополянского района Сутягина: «... от этой статьи создалось головокружение в наших головах». Так как статья была двусмысленной и неопределенной, ее можно было толковать по-разному. Из бесед работников Ирбитской окружной прокуратуры с крестьянами, в это время ежедневно десятками посещавшими ее, «выяснялось своеобразное толкование последней статьи тов. Сталина и последующих разъяснений, что коммуны и колхозы должны быть распущены и скот разведен по дворам»⁵⁰.

В деревне тем временем продолжалась вакханалия насилия, еще более усиленная стремлением сохранить достигнутые «грандиозные успехи». В директиве Зайковского райисполкома, разосланной по сельсоветам района, говорилось: «Несмотря на категорические требования со стороны РАО о прекращении обысков, самопроизвольных арестов бедноты и середняков, все же эти действия наблюдаются до сих пор в большинстве сельских советов района. Эти обыски и аресты особенно усилились в связи с извращенным толкованием на местах статьи т. Сталина «Головокружение от успехов»⁵¹. По сведениям окружной прокуратуры, подобное творилось в Ирбитском, Тавдинском, Благовещенском и других районах, но особенно выделились Туринский и Краснополянский. На места спускались суровые распоряжения, требовавшие прекратить творимый в деревнях произвол, но желаемого эффекта они не давали, да и не могли дать, т. к. в это же время требовалось «закрепить достигнутые успехи».

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял более определенное постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». 16 марта секретарям окружных и районных партийных комитетов была разослана телеграмма бюро Уралобкома, в которой было предложено широко популизировать среди крестьянства статью Сталина и Примерный устав сельскохозяйственной артели; прекратить творить беззакония; принять решительные меры к исправлению допущенных «перегибов», очистив партийный, советский и колхозный аппарат от неисправимых⁵². Ирбитские руководители начали постепенно отступать, все еще стремясь сохранить основные из «достигнутых успехов»: высокий процент коллективизации крестьянских хозяйств, а также Краснополянскую и

Зайковскую коммуны. 23 марта окружная газета опубликовала Примерный устав сельхозартели. Однако уже ничто не могло спасти положение: в третьей декаде марта начался обвальный выход из колхозов (см. табл. 6).

По мнению сотрудников Ирбитского окрзу, после 10—20 апреля «коллективное строительство закрепилось», хотя в северных районах округа ликвидации колхозов продолжались и позднее. В сравнении с другими округами Уральской области, колхозный сектор Ирбитского округа понес самые большие потери (см. табл. 7). Выступая на VIII окружной партийной конференции, состоявшейся в конце мая 1930 г., ответственный секретарь Ирбитского окружкома ВКП(б) Лузин заявил, что статья Сталина «Головокружение от успехов» «явилась дуновением ветерка, от которого, как карточные домики, развалились наши районные коммуны»⁵³. Решение об их ликвидации правление окрколхозсоюза приняло только 1 апреля. Сначала реорганизовались скороспелые гиганты, но вскоре был ликвидирован и краснополянский «Гигант». 13 апреля 1930 г. состоялось последнее заседание президиума совета районной коммуны, на котором было принято решение разукрупнить ее на отдельные мелкие производственные единицы; одновременно постановили организовать райколхозкомбинат, который был создан в начале лета⁵⁴.

Таблица 6

Изменение численности коллективизированных хозяйств по районам Ирбитского округа с 20 марта по 10 апреля 1930 г.*

Районы	Количество крестьянских хозяйств в колхозах		
	20 марта 1930 г.	1 апреля 1930 г.	10 апреля 1930 г.
Благовещенский	3446	168	385
Зайковский	3816	1266	1352
Краснополянский	12 711	7945	6668
Ирбитско-заводский	4641	1269	1404
Ирб.-пригородный	5617	1738	2064
Костинский	4749	1711	1421
Слободо-Туринский	4098	1130	1001
Таборинский	2212	520	564
Тавдинский	1824	678	778
Туринский	5718	826	747
По округу	48 832	17 251	16 384

* ИФ ГАСО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 120. Л. 507.

**Спад коллективизации по округам Уральской области
с 1 марта по 1 мая 1930 г.***

Округ	% коллективизации крестьянских хоз-в		Округ	% коллективизации крестьянских хоз-в	
	на 1.03.30 г.	на 1.05.30 г.		на 1.03.30 г.	на 1.05.30 г.
В. Камский	21,6	21,0	Тобольский	68,5	13,4
К. Пермский	59,8	32,7	Тюменский	74,4	22,5
Пермский	75,3	25,8	Ишимский	82,7	32,1
Сарапульский	75,3	26,4	Шадринский	76,4	37,2
Тагильский	48,7	23,0	Курганский	68,9	27,8
Свердловский	53,5	17,4	Челябинский	76,0	40,7
Златоустовский	27,0	16,9	Троицкий	67,4	35,0
Ирбитский	87,5	27,0	По области	68,8	27,7

* Уральская новая деревня. 1930. № 11. С. 13—14.

Единственными, кто в то время коснулся причин распада «Гиганта», были А. Караваев и И. Шумский, упомянувшие в своей статье, что «местные работники в качестве одной из важнейших причин этого отмечают то, что колхозной массе толком не объяснили ни устава коммуны, ни вообще целей и задач такого хозяйства, каким должна [была] являться коммуна «Гигант»⁵⁵. По устному свидетельству члена оргбюро «Гиганта» А. Стихина, ее погубили руководители-пришельцы, которые были мало сведущими людьми в колхозной жизни. К тому же негативно в отношении «Гиганта» были настроены райком и рик, по-видимому, пользовавшиеся поддержкой окружка партии, т. к. правление крупного колхоза занимало независимую позицию, практически игнорируя районные власти. Однако, дело все же было не в местных дрызгах; «Гигант», очевидно, просто нельзя было не ликвидировать после того, как 18 марта Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило тезисы доклада Я. Яковлева к предстоящему XVI партсъезду, в которых союзный нарком земледелия заявил об извращении линии партии созданием «под видом колхозов-«гигантов» безжизненно-бюрократических организаций, построенных на началах командования»⁵⁶.

Была проведена определенная работа по исправлению «перегибов». Дело не ограничилось наложением административных взысканий и перемещениями по должностным постам, а дошло и до судебных наказаний некоторых работников, совершивших преступления; всего было осуждено 124 человека; основную массу обвиняемых приговорили к принудительным работам до 6-ти месяцев, остальные получили более

легкие наказания или были оправданы⁵⁷. Исправление «перегибов» сопровождалось новыми издевательствами над крестьянами. Прежде всего всячески пытались помешать выйти из колхозов. 22 крестьянина Тазовского сельсовета Слободо-Туринского района послали в окружную газету письмо, в котором жаловались, что коллективизация у них продолжалась старыми методами: работники сельсовета заявляли выходящим: «А, ты из колхоза вышел, так узнаешь, где раки зимуют. Мы тебя налогами да облигациями задушим, и из кооперации ты ничего не получишь, а то и скулы выдержаем». В Волковском сельсовете Ирбитско-пригородного района выходявших запугивали осуждением на 6 месяцев принудительных работ или штрафом в 500 рублей. Совершил самоубийство колхозник дер. Кочевки Зайковского района, запуганный председателем сельсовета, что будет расстрелян, если выйдет из колхоза⁵⁸. Однако основное противодействие оказывалось в возвращении обобщественного имущества и земли.

В экстремальных условиях весны 1930 г. особое значение приобрело проведение колхозами весеннего сева. Благодаря значительной помощи, оказанной коллективному сектору, колхозы, в сравнении с поставленными в гораздо более тяжелые условия единоличниками, относительно благополучно провели сев, расширив посевную площадь против 1929 г. на 13 %. К этому времени выходы из колхозов, в основном, прекратились, произошла стабилизация коллективного сектора; на 1 июня 1930 г. в Ирбитском округе имелось 58 коммун, 281 артель и 5 тозов⁵⁹. До какого минимального уровня произошел откат в развитии коллективизации по районам Ирбитского округа, видно из данных, полученных во время налогового учета 1930 г. (см. табл. 8).

В августе 1930 г. Ирбитский округ был ликвидирован; этот же месяц стал рубежом в колхозном движении 1929—1932 гг., знаменовавшем конец его первого этапа. Хотя внешне кажется, что единоличный сектор во всех районах восстановил свое доминирующее положение, выйдя на первое место даже в колыбели коллективизации Ирбитского округа — Краснополянском районе, но это были уже не те единоличники, что раньше; экономический фундамент их был основательно подорван, что наглядно показала весенняя посевная компания 1930 г. Но еще более значительным было психологическое потрясение; события зимы — весны 1929/30 гг.: невиданное ранее, по широте своего применения, массовое насилие надломило единоличное крестьянство. Вопрос раскрестьянивания деревни стал только вопросом времени.

* * *

Состоявшийся осенью 1929 г. второй пленум Уралсовета принял решение об укрупнении районов Уральской области. На территории Ирбитского округа ликвидировались Благовещенский, Зайковский, Ир-

**Коллективизация отдельных районов Ирбитского округа
(лето 1930 г.) ***

Районы	Процент коллективизации	
	населения	посева
Благовещенский	4,14	4,81
Зайковский	23,72	38,86
Краснополянский	42,07	48,73
Ирбитско-заводский	27,39	34,73
Ирбитско-пригородный	23,27	29,69
Костинский	17,56	22,48
Слободо-Туринский	16,76	21,66
Таборинский	2,55	4,23
Тавдинский	6,29	7,46
Туринский	9,51	14,0

* Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. VI. Районы. Свердловск, 1930. С. XVIII, XXII.

битско-заводский и Костинский районы; Благовещенский район соединялся с Туринским, Ирбитско-заводский входил в состав Егоршинского района Свердловского округа, Зайковский включался в Ирбитский, Костинский соединялся с Алапаевским районом Нижне-Тагильского округа⁶⁰. Реорганизация была проведена в 1931 г., уже после ликвидации округов.

Наиболее быстро коллективизация завершилась в Краснополянском районе: к августу 1931 г. в колхозах находилось 87,1 % крестьянских хозяйств; в Баженовском, Еланском, Краснополянском и Чубаровском сельсоветах было коллективизировано практически все население⁶¹. В колхозы Ирбитского района к концу 1930 г. вступило 32,1 % крестьянских хозяйств. Прошедший в начале января 1931 г. первый Ирбитский районный съезд советов постановил «в основном кооперировать население». К июлю 1931 г. в ирбитские колхозы вступило 80,3 % крестьянских хозяйств района; в связи с этим было констатировано, что процесс социалистического преобразования лица ирбитской деревни вылился в «величайшую победу» и сейчас «центральной задачей» стало организационно-хозяйственное укрепление колхозов⁶². В 1931 г. завершилась сплошная коллективизация и в Слободо-Туринском районе. Если на 1 декабря 1930 г. в местных колхозах находилось 9,8 % крестьянских дворов, то на 1 января 1931 г. этот показатель поднялся до 33 %. К концу лета 1931 г. в районе было коллективизировано 75,5 % хозяйств⁶³.

В северных районах колхозное движение развивалось медленнее. На 1 января 1931 г. в колхозах Туринского района находилось 24,4 % крестьянских хозяйств.

янских хозяйств. Состоявшийся в начале года восьмой районный съезд советов постановил в течение весенней посевной кампании коллективизировать половину крестьянских дворов района. К июлю 1931 г. в Туринском районе в колхозы вступило 65 % хозяйств; однако, в присоединенном к нему Благовещенском районе коллективизация достигла только 43 %, поэтому в новых границах Туринского района ее уровень составил 55 %. Прошедший в мае 1932 г. пленум Туринского райисполкома констатировал, что «в деле реконструкции сельского хозяйства достигнута решающая победа — «социалистический сектор занял господствующее положение»: в колхозы вступило 81,4 % крестьянских хозяйств⁶⁴. Однако высокий процент коллективизации был достигнут за счет применения грубого насилия; работа по организации колхозов проводилась «на основе голого администрирования, приказа, ареста, штрафа и т. д.». Руководство района было обвинено в «левом оппортунизме». Поэтому Уралобком ВКП(б) и облизполком пошли на роспуск райисполкома и сельсоветов Туринского района и проведение новых выборов⁶⁵.

В Тавдинском районе к концу 1930 г. в колхозах находилось 10 % крестьянских хозяйств. В итоге «второй большевистской весны» процент коллективизации поднялся до 31 %, однако в последующем ее развитие замедлилось. В конце 1934 г. тавдинские колхозы объединяли 55,6 % крестьянских дворов района. Состоявшийся в это время восьмой съезд советов Тавдинского района постановил к весенней посевной кампании следующего года завершить коллективизацию тавдинской деревни. В 1935 г. единоличный сектор и здесь перестал играть заметную роль⁶⁶.

Медленнее всего колхозное движение развивалось в Таборинском районе. По состоянию на 1 декабря 1930 г. в таборинских колхозах находилось 7,3 % крестьянских хозяйств. Планировалось к посевной кампании 1931 г. коллективизировать 40 % дворов района. Однако этот план так и остался не выполнен, и в конце 1931 г. было принято новое решение закончить коллективизацию к весне 1934 г. В 1932 г. в колхозах Таборинского района находилось 24 % крестьянских хозяйств. За два года этот показатель поднялся до 45 %, что было значительно ниже среднеобластных показателей; в трех сельсоветах района не было ни одного колхоза. К концу лета 1935 г. уровень коллективизации возрос до 55,5 %; президиум Таборинского райисполкома удовлетворенно констатировал, что колхозный сектор «начал занимать командное положение в системе [сельского] хозяйства района»⁶⁷.

* * *

Колхозное движение, зародившись с установлением советской власти, прошло период подъема во время проведения политики военного коммунизма, пережило трудные для него годы нэпа и завершилось сплошной коллективизацией единоличной деревни в начале 30-х годов.

На первом этапе сплошной коллективизации (1929 — первая половина 1930 г.) особо выделился Ирбитский округ: здесь возник крупнейший в стране колхоз — коммуна «Гигант», в которой попытались на практике осуществить утопические мечты о коллективном общежитии; к весне 1930 г. в Ирбитском округе был достигнут самый высокий уровень коллективизации по Уральской области (87,5 %). Нужно признать, что значительная доля ответственности за форсирование коллективизации с осени 1929 г. по весну 1930 г. лежит и на местных руководителях, которые в своем рвении опережали спускаемые сверху директивы. События весны 1930 г. смели все достижения Ирбитского округа: произошел массовый отлив крестьянства из колхозов, распались и скороспелые районные коммуны и основательно создаваемый «Гигант». На завершающем этапе сплошной коллективизации (с осени 1930 г.) Ирбитский край особо ничем не выделился (исключение составил Туринский район), поблекнув, как и вся страна.

Коллективизация не просто навязала новый способ хозяйствования, были сломаны вековые устои сельской жизни; вчерашний крестьянин оказался в совершенно новых для него условиях: он уже не был хозяином своего труда, лишен духовного стержня, подорван его авторитет главы семьи. Слом старой деревни проводился самыми жестокими средствами; шла настоящая война против крестьянства, в которой не брезговали любыми средствами. Последствия коллективизации оказались трагичны не только для сельскохозяйственного производства, но и для всех сфер деревенской жизни, включая духовную.

¹ ИФ ГАСО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

² Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

³ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 42.

⁵ Там же. Л. 23—25 об.

⁶ Там же. Д. 86. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 114. Л. 24.

⁸ Там же. Д. 106. Л. 9 об.

⁹ Там же. Ф. 196. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 8 об.

¹¹ Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12. Л. 17.

¹² Там же. Д. 31. Л. 5 об.

¹³ Там же. Д. 13. Л. 45 об.—46.

¹⁴ Там же. Д. 40. Л. 6 об., 13 об., 14.

¹⁵ Там же. Д. 82. Л. 5 об., 20.

¹⁶ Там же. Д. 77. Л. 10.

¹⁷ Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 57. Л. 267 об.—268.

¹⁸ Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 27. Л. 183.

¹⁹ Там же. Д. 25. Л. 14 об.

²⁰ Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 50. Л. 20, 26 об.—27 об.

²¹ Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 28. Л. 53, 55, 58—59.

- ²² Там же. Ф. 188. Оп. 2. Д. 22. Л. 134 об., 135, 138.
- ²³ Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 61. Л. 3 об.
- ²⁴ Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 77. Л. 349—350, 371.
- ²⁵ Голос крестьянина. 1928. 15 июля.
- ²⁶ ИФ ГАСО. Ф. 188. Оп. 2. Д. 15. Л. 14; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д. 34. Л. 98—99.
- ²⁷ Караваев А., Сосновский А. Краснополянский гигант (Краснополянский район сплошной коллективизации). М. 1929. С. 16; Большевик. 1929. № 19. С. 70.
- ²⁸ ИФ ГАСО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 2. Л. 19—19 об.
- ²⁹ Уральский коммунист. 1929. № 17. С. 27.
- ³⁰ Голос крестьянина. 1929. 24 апр. Идея создания великанов-колхозов не была чем-то диковинным; еще в конце 1928 г. в окружной газете был опубликован рассказ-утопия М. Сидорова «1947 год», в котором он предложил, что в 1935 г. на территории Уральской области будет образовано «одно могучее коллективное хозяйство». (См.: Голос крестьянина. 1928. 4 нояб., 11 нояб., 16 нояб., 7 дек., 23 дек.)
- ³¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 13. Д. 18. Л. 134 об.
- ³² Голос крестьянина. 1929. 22 мая.
- ³³ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д. 128. Л. 4—5.
- ³⁴ ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 9. Л. 71; ИФ ГАСО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 19. Л. 80.
- ³⁵ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д. 128. Л. 129 об.
- ³⁶ Голос крестьянина. 1929. 31 июля; 4 авг.
- ³⁷ ИФ ГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 30. Л. 86—86 об.; Плотников И. Е. Роль местных Советов Урала в проведении массовой коллективизации сельского хозяйства (осень 1929—лето 1931 гг.) Дисс. канд. ист. наук. Свердловск, 1964. Л. 109.
- ³⁸ Голос крестьянина. 1929. 29 нояб.; ЦДОСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 928. Л. 78; ИФ ГАСО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 23. Л. 22.
- ³⁹ На аграрном фронте. 1930. № 7—8. С. 86—87.
- ⁴⁰ ИФ ГАСО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 3. Л. 41—50; Голос крестьянина. 1929. 13 дек.; 15 дек.
- ⁴¹ Голос крестьянина. 1929. 25 дек.
- ⁴² Имеется в виду Всесоюзное совещание районов сплошной коллективизации, проходившее в Москве 11—14 января 1930 г.
- ⁴³ ИФ ГАСО. Ф. 188. Оп. 2. Д. 15. Л. 17—18.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 120. Л. 505—506.
- ⁴⁵ На аграрном фронте. 1930. № 7—8. С. 87—88.
- ⁴⁶ ИФ ГАСО. Ф. 406. Оп. 1. Д. 60. Л. 41 об.
- ⁴⁷ Там же. Д. 159. Л. 10 об.; Ф. 284. Оп. 1. Д. 30. Л. 81; На аграрном фронте. 1930. № 7—8. С. 94.
- ⁴⁸ Уральская новая деревня. 1930. № 11. С. 13; Коммунар. 1930. 25 апр.
- ⁴⁹ ИФ ГАСО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 18. Л. 181.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 60. Л. 6.
- ⁵¹ Там же. Л. 9—10.
- ⁵² Там же. Ф. 183. Оп. 2. Д. 22. Л. 56.
- ⁵³ Коммунар. 1930. 2 июня.
- ⁵⁴ ИФ ГАСО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 22. Л. 167; Ф. 200. Оп. 1. Д. 120. Л. 534.
- ⁵⁵ На аграрном фронте. 1930. № 7—8. С. 92.
- ⁵⁶ Коммунар. 1930. 25 мая.
- ⁵⁷ ИФ ГАСО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 30. Л. 77—83.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 60. Л. 42; Коммунар. 1930. 30 марта; 4 мая.
- ⁵⁹ Коммунар. 1930. 25 июня.
- ⁶⁰ Голос крестьянина. 1929. 6 нояб.
- ⁶¹ ИФ ГАСО. Ф. 370. Оп. 1. Д. 4. Л. 214.
- ⁶² Там же. Ф. 463. Оп. 2. Д. 42. Л. 27; Коммунар. 1931. 24 июля; 7 нояб.

⁶³ ИФ ГАСО. Ф. 473. Оп. 1. Д. 10. Л. 3; Д. 11. Л. 53.

⁶⁴ Там же. Ф. 794. Оп. 1. Д. 53. Л. 79; Д. 58. Л. 73; Д. 59. Л. 154; Д. 68. Л. 1 об.

⁶⁵ Там же. Д. 68. Л. 6 об.

⁶⁶ Там же. Ф. 911. Оп. 1. Д. 14. Л. 22; Д. 15. Л. 172; Д. 24. Л. 15 об.

⁶⁷ Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 24. Л. 72; Д. 29а. Л. 6—7; Д. 47. Л. 131; Д. 52. Л. 14—15.